

К.Г. Исупов

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Молчание

1) самоотрицание звучащего высказывания во имя утверждения невербализуемых ценностей; 2) мифологема религиозного опыта, в которой обобщен тип поведения и созерцательно-аскетической практики в христианстве (исихазм), буддизме и индуизме. По гипотезе Б. Ф. Поршнева, в М. скрыт антропогенез внутренней речи и мыслительной диалогии. Для архаического сознания М. – эквивалент надчеловеческого тайного знания (см. М. судьбы–Мойры), мудрости (Кн. притч. Сол. 11, 12; Иов 13, 15), а по связи с инфернальным (см. голос как предмет магической сделки в «Русалочке», 1835–1837 Г.Х. Андерсена) понято в аспекте божественных репрессий (Лк. 1, 20). Образы внимающего М. «всякой плоти» (Зах. 2, 13) и «всей земли» (Авв.2, 20) пред лицом Господа существенно определили семантику Страха Божьего. На разных уровнях, но с равным успехом М. демонстрирует свойство быть мировоззренческой альтернативой: воплю ветхозаветного человека противопоставлена умная молитва христианина; смеху толпы на площади оппонентен иной тип поведения: «народ безмолвствует». Прежде чем превратиться в изысканный риторический прием (ср. «красноречивое молчание»), принцип выразительной немоты проявил себя в формах сакрального табу и эзотерических обетах (пифагорейцы). Компетентный гнозис М. (особой «молвы» и «мовы») снижал ему репутацию не сверх-, но иноязычного способа выражения, хранения и передачи информации. Сквозь эпохи публично-овнешненного слова (Античность, Просвещение) М. донесло до наших дней возможность сказывания несказанного. Святоотеческий христианский опыт высоко оценил М. в роли вербальной апофатки: в нем приоритетно взыскуется истина на путях непосредственного узрения ее. Как внутреннему созерцанию довлеют образы мифопоэтического познания, так и М. являет изображенное поступком высказывание. Неотмирной (несказуемой речью дольного мира) истине христианства соответствуют маргинальные типы поведения (уход, отшельничество, М.). Абсолютной правде Откровения, Писания и иконы коррелятивна кривда личного вдохновения, «письмо» литературы и портрет. Если первая парадигма сакраментально венчается молчанием как диалогией богообщения (внимания=понимания), то второй ряд знаменует тупик: «Мысль изреченная есть ложь» (Тютчев). Греховно всякое высказывание: если правда нуждается в слове, это означает, что рядом с ней встала ложь. В вер-

* Продолжение. Начало в №№ 1'06, 1–4'07, 1–4'08, 1'09.

бальном мире у лжи всегда найдется противословие правде, но перед молчанием ложь бессильна (см. у Достоевского М. Христа перед Великим Инквизитором). М. есть предел приоритетного выражения правды, в нем исчерпаны возможности ино-сказывания, здесь дана безысходность последней истины, по обладанию которой больше некому и не о чем говорить; ср. последнюю реплику Гамлета: «Дальнейшее – молчанье». В контексте экстремально-амбивалентной христианской этики (стяжание Духа Святого чрез «умирание» для мира) слову тварной речи должно ничтоизствовать в молчании, чтобы, пройдя степени добровольного самоуменьшения (лепет младенца, косноязычие юродивого), редуцироваться в тишину, т.е. вернуться в премирное безмолвие первых дней творения (у Мандельштама: «Останься пеной, Афродита, И слово, в музыку вернись»; ср. нирвана; алогическая афористика Старого Китая; «галиматься» арзамасцев и «заумь» футуристов; трагический абсурд обереутов и авангардного театра XX в.). Романтики эстетизировали апофатические структуры молчания и возвели в идеал девственное, предстоящее смыслу слово: чреватое полнотой содержания, оно до времени ничтоизствует в Эдеме безгласности (см. эту тему у О. Мандельштама, Л. Андреева, Б. Божнева). Для русской авторской традиции характерно стремление поставить миры молчания и приоритетной вербальности в отношения истинностной эквивалентности. Тогда внутри жизни философа не только слово будет поступком, но и «минус-высказывание» станет актом поступающего сознания не меньшей степени духовного напряжения и необратимой ответственности, чем все заявления в голосе и письме, вместе взятые. Если художник-мыслитель XX в. предпочел авторское М. (в форме сказовой маски, как Пушкин в «Повестях Белкина», 1830 или заняв метадиалогическую позицию, как Достоевский), то современный философ скажет: «Философия – это мышление вслух» (М. Мамардашвили). Бахтин, различивший тишину (в природе) и М. (в социуме), за способ самовыражения взял технику значимой паузы и поэтику оглядки (ср. *Мерло-Понти М. Язык несказанного и голоса безмолвия*, 1952). В эпоху пост-неклассического типа рациональности М. из мощного контраргумента логики и риторики, из вида интуитивного порыва мысли превратилось в тип нигилистической фронды на уровне поведения (андеграунд) и в предмет эстетской игры в разного рода псевдоэзотерике (К. Кастанеда), в живописи и поэтической графике неоавангарда.

Тексты: *Андреев Л. Молчание*, 1900; *Балтрушайтис И. 1) Земные ступени*, 1911; 2) *Горная тропа*. 1912; *Божнев Б.Б. Silentium sociologicum*. Поэма. Париж, 1936; *Иванов Вяч. И. Молчание*, 1904–1907; *Кастанеда К. Сила безмолвия. Дальнейшие наставления Дона Хуана*. М., 1988; *Жуковский В. А. Невыразимое*, 1819; *Тютчев Ф. И. Silentium*, 1930; *Гонзалес Мартинес. В молчании*. 1909; *Мальфо А. Голоса молчания. Эстет. трактаты*. 1953; *Мартин Сантос Л. Время молчания*. Роман. 1962; *Грот Янис. Молчание*. Поэт сб., 1944; *Карел Морис. Голос тишины*. Поэт сб. 1951; *Мишо А. Дни безмолвия*. Поэт сб. 1970; *Роденбах Ж. В царстве молчания*. 1891.

Исследования: *Абрамова Н. Т. Являются ли внесловесные акты мышлением?* // Вопросы философии, 2001. № 6. С. 68–78; *Арсеньев Н. С. О молчании* // Н.С. Арсеньев. О красоте в мире. Мадрид, 1974. С. 5–10; *Арутюнова А. Д. 1) Молчание: контексты употребления* // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994; 2) *Феномен молчания* // Язык о языке. М., 2000. С. 417–436; 3) *Наивные размышления о наивной картине мира* // Там же. С. 7–19; *Бибихин В. В. Язык философии*. М., 1993. С. 24–39; *Богданов К. А. Homo Tagens. Очерки по антропологии молчания*. СПб., 1998; *Горелов И. Н. 1) Паралингвистика: прикладной и концептуальный аспекты* // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977; 2) *Невербальные компоненты коммуникации*. М., 1980; *Грек А. Д. О словах со значением речи и молчания в русской духовной традиции* // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994; *Исупов К. Г. Философия как порыв* // *Silentium*. Филос.–худож.

альманах. СПб., 1991. С. 281–286; *Морева Л. М.* Язык молчания // Там же; *Кибрик А.* Молчание как коммуникативный акт // Действия: Лингвистические и логические модели. М., 1991; *Лазарев И.* Реплика и молчание // Проэктор, 1916, № 22; *Михайлова М. М.* Молчание как форма духовного опыта (Эстетико–культурологический аспект). Автореферат <...> канд. филос. наук. СПб., 1999; *Нойман Э.* Общественное мышление: открытие спирали молчания. М., 1996; *Саврамис Демосфен.* Сила религиозного (молитвенного) молчания // Вестник РХД. Париж, 1974. № III (1). С. 17–32; *Семаева И. И.* Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XIX в. М., 1993; *Серкова В.* Классический исихазм и парадоксы молчания // Siletntium. СПб., 1997. Вып. 3. С. 308–314; *Соболевская Е. Н.* Трансформация мотива «молчания» как единство поэтического текста (Пушкин – Вяч. Иванов – Цветаева) // Русская литература. СПб., 1995. № 1. С. 203–209; *Софронов Ф. М.* 1) О происхождении и границах «незвучащего» в новоевропейской музыке // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9; 2) Молчание и речь: апофатическая позиция // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили (1994). М., 1996. С. 137–142; *Хоружий С. С.* Диптих безмолвия. М., 1991; *Эпштейн М. Н.* Слово и молчание в русской культуре // Звезда, 2005. № 10. С. 202–222; *Эстерберг Э.* Молчание как стратегия поведения // Мировое древо. М., 1996. Вып. 4. С. 21–42; *Эткинд Е. Г.* «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психоэтики русской литературы XVIII—XIX в. М., 1998; *Яковлев Е.* Эстетика молчания, тишины и покоя // Яковлев Е. Эстетическое как совершенное. М., 1965.

Москва/Петербург

Ведущая антитеза диалогического бицентризма русск. культуры. Спор столиц насчитывает три века, он отражен во множестве текстов, начиная с прозы Е. Дашковой, писем Екатерины II и обращенного к ней трактата кн. М.М. Щербатова «Прошение Москвы о забвении ея» (1787). Древняя столица, покинутая русскими государями ради новой, тяжело переживала это событие, но исконное кровнородственное мироощущение москвичей избавило их от возможного комплекса сиротства. «Языки» М. и П. стали средством идеологической, литературной и художественной полемики. Патриотизм славянофилов (а позже – публицистика консерваторов и неонародников) окрасилась в специфично московские интонации. Западники предпочли связать будущее России с европейской, т.е. петербургской, перспективой. М. стала живым музеем отечественной памяти, а П. – тревожащим душу источником грозных перемен. В М. ездили за покоем и душевным комфортом, за отдыхом, а в П. – делать дела (эти роли порой менялись). Дерево М. и камень П. на какое-то время стали полярными архитектурными символами русского зодчества и стилей жизни. Наиболее существенные тексты, отражающие диалог столиц в XIX в., принадлежат В.Ф. Одоевскому (1835), Н.Б. Герсеванову (1939), М.Н. Загоскину (1841), А.И. Герцену (1842), Н.В. Гоголю (1844), В.Г. Белинскому (1844), А.А. Григорьеву (1847), Н.А. Мельгунову (1847), И.И. Панаеву (1840), К.С. Аксакову (1856), Ф.Ф. Вигелю (1859), А.С. Хомякову (1859), И.Г. Прыжову (1861), П.Д. Боборыкину (1881), В.М. Гаршину (1882), Н.П. Аксакову (1886). Почвенная изначальность стихийно растущей М. традиционно противостоит в мире ценностей русской культуры городу, воздвигнутому на рекорд здравому смыслу – сплошь искусственному, рационально организованному П. Антитеза органического и неорганического, в контексте которой разворачивается диалог столиц, отразилась в описаниях города на Неве. Ведущим элементом петербургского мифа стала апокалиптика. Репутация П. как Града беззакония связана с восприятием Петра I как Антихриста, подменного царя и государя–самозванца. Чем чаще припоминали москвичи о М. – Третьем Риме, тем больший ужас внушала с дьявольской помощью из ничего возникшая новая столица, грозившая